

РОДОСЕЦ МЕНТОР И ДАТИРОВКА «БОЛЬШОЙ ЭТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ

Принадлежность Аристотелю «Большой этики» (ММ), а также время написания этого сочинения продолжают вызывать споры. Большинство ученых отрицает авторство Аристотеля и относит сочинение к эллинистическому периоду; немногочисленные сторонники аутентичности либо считают его ранним курсом лекций, написанным еще во время пребывания Аристотеля в платоновской Академии (т. е. до 348 г. до н. э.), либо относят к его периоду жизни в Македонии, но предполагают вмешательство позднего редактора, на чей счет они относят ионизмы, характерные для койне и (или) исторические примеры, которые, по их мнению, были бы анахронизмами для более раннего времени, чем 335/334 г. до н. э., возвращения Аристотеля в Афины (иногда эти добавления приписывают самому Аристотелю). Однако нет веских оснований для столь ранней датировки ММ, как первый афинский период; кроме того, для ММ характерно единство стиля и отсутствие следов переработки; ионизмы же встречаются, хотя и в меньшем количестве, в сочинениях, несомненно принадлежащих Аристотелю. В статье доказывается, что ни один из примеров ММ не предполагает дату позднее, чем 335/334 г. до н. э. Один из этих примеров служит указанием на примерную дату сочинения: упоминание Ментора, известного командира наемников на службе у Артаксеркса III, который обманом захватил Гермия, правителя Атарнея, друга и покровителя Аристотеля, и позже способствовал его казни, по форме напоминает замечание современника событий («Гермий казался практичным, но не был в действительности рассудительным», I, 34, 1197 b 18–26) и более естественно для Аристотеля, чем для позднейшего редактора или автора-компилятора. Оно могло быть сделано вскоре после смерти Гермия и, возможно, после смерти самого Ментора, т. е. между 340 и 336 гг. до н. э. Поскольку ММ несомненно имеет более примитивный характер по сравнению с «Евдемовой» и «Никомаховой этиками», она могла быть написана во время пребывания Аристотеля в Македонии, до его возвращения в Афины. Можно также предположить (вслед за Ф. Дирльмайером), что ММ отражает подлинную речевую манеру Аристотеля, сглаженную редактированием в других лекциях, рассчитанных на аттическую аудиторию. Это позволило бы объяснить не-

обычно большое число ионизмов в ММ: в Македонии, где разговорным языком образованных людей был аттический диалект с примесью ионизмов («протокойне»), близкий к тому, на котором говорил от рождения сам Аристотель, происходивший из Стагир, было бы естественно не придавать значения соблюдению аттической нормы.

Ключевые слова: Аристотель, время создания и проблема подлинности «Большой этики», Ментор с Родоса.

A. L. VERLINSKY

St Petersburg State University

MENTOR OF RHODES AND THE DATE OF THE ARISTOTELIAN *MAGNA MORALIA*

Aristotle's authorship of the *Magna Moralia* (MM) as well as the date of the treatise remain debatable among scholars, with the majority opting for its post-Aristotelian and early Hellenistic character. A few scholars who defend Aristotelian authorship either treat it as an early treatise written during Aristotle's first Athenian period when he was a member of Plato's Academy (before 348 BC) or assign it to the Macedonian period while at the same time finding traces of a later editor to whom they ascribe the Ionisms typical of the *koine* and/or certain historical examples in the text which they treat as anachronisms for the date before 335/334 BC, i. e. Aristotle's return to Athens (sometimes these additions are ascribed to Aristotle himself). However, there are no compelling reasons for a date as early as the first Athenian period, and the MM on the whole exhibits a homogeneity of style, betraying no revision; on the other hand, the Ionisms occur in the doubtless genuine works of Aristotle, even if to a lesser extent. It is shown in the paper that none of the examples in the MM imply a date later than 335/334 BC. There is also indication of an approximate date for the treatise: the mention of Mentor — a powerful mercenary commander under Artaxerxes III, who was guilty of capturing and later executing Hermias of Atarneus, Aristotle's friend and benefactor — expresses the judgment of a person contemporary to these events ("Mentor seemed to be clever, but he was not prudent," I. 34. 1197 b 18–26) rather than a later redactor or compiler. It is tempting to suppose that the remark comes from Aristotle himself and that it was made after Hermias' and probably soon after Mentor's own death, i. e. between 340 and 336 BC. Granted that the MM, as most scholars agree, has a more primitive character than the *Eudemian Ethics* and the *Nicomachean Ethics* and, if genuine, should be dated earlier than both of these, the MM could have been written during Aristotle's

sojourn in Macedonia, before his return to Athens. One may also suppose (with F. Dirlmeier) that the MM reflects his genuine spoken manner, which was otherwise polished in lecture courses and written for the Athenian audience. This might explain the extraordinary quantity of Ionisms in the MM: it would have been natural to pay less attention to Attic purity in Macedonia where the spoken language of the educated people was in all probability Attic, with some mixture of Ionisms, and which corresponds to Aristotle's own original manner of speaking as a native of Stagira.

Keywords: Aristotle, date and authenticity of the *Magna Moralia*, Mentor of Rhodes.

Принадлежность Аристотелю «Большой этики» («*Magna Moralia*» — далее MM), наименьшего по объёму из трёх этических сочинений аристотелевского Корпуса, время его создания и отношение к двум другим «Этикам», Никомаховой (далее — EN) и Евдемовой (далее — EE), остаются предметом споров. Авторство Аристотеля было отвергнуто для MM Л. Шпенгелем в 1841 г., который считал неподлинной также EE [Spengel, 1841]. Шпенгель, опираясь в первую очередь на отличия MM от EN в содержании учения и в терминологии, а также на языковые особенности MM, пришел к выводу, что это компиляция, составленная компетентным автором главным образом из текста EE, но с привлечением также EN, кое-где даже проясняющая неясности оригинала; не пытаясь даже приблизительно датировать MM, Шпенгель считал ее составленной значительно позже времени жизни Аристотеля, намного позже даже, чем EE, но заметил при этом, что исторические примеры MM подразумевают скорее близкое к Аристотелю время.

За редкими исключениями, выводы Шпенгеля долгое время не подвергались сомнению¹. Однако в начале XX в. П. фон дер Мюль и Э. Капп в своих диссертациях [Mühl, 1909; Kapp, 1912] смогли доказать авторство Аристотеля для EE, и наличие в аристотелевском корпусе трех сочинений на этическую тему вскоре сыграло важную роль в гипотезе В. Йегера (1923) об эволюции Аристотеля

¹ Детальный критический обзор изучения MM вплоть до середины 50-х годов XX в. содержится в комментарии Ф. Дирльмайера: [Dirlmeier, 1983, S. 118–146].

от последователя Платона к его суровому критику. В этой схеме фрагментарно сохранившийся «Протрептик» занимал место «поздней платоновской фазы» в этическом учении Аристотеля (до смерти Платона в 348/347 г. до н. э.; Йегер полагал, что в «Протрептике» Аристотель еще придерживался платоновского учения об идеях); ЕЕ представляла «реформированный» платонизм второй фазы этого развития (середина 340-х годов до н. э., вскоре после смерти Платона); ЕN соответствовала «позднему аристотелианизму», эмпирическому, антиметафизическому, направленному против Платона (период после возвращения Аристотеля в Афины в 335/334 г. до н. э. до его смерти)². ММ в теории Йегера отводилось по-прежнему место, соответствовавшее взгляду Шпенгеля, — компиляция некоего перипатетика, составленная на основе двух других подлинных аристотелевских «Этик», которая служила в качестве пособия для чтения лекций [Jaeger, 1948¹, p. 228].

Вскоре после появления книги Йегера Х. фон Арним подверг его гипотезу развития Аристотеля критике и выдвинул собственную хронологию аристотелевских сочинений, выступив при этом в защиту подлинности ММ. Фон Арним защищал следующую хронологическую последовательность трех «Этик»: ММ — ЕЕ — ЕN; ММ, в первую очередь на основании упоминаемых в этом сочинении лиц и событий, он датировал временем вскоре после 335 г. до н. э., т. е. началом афинского периода [Arnim, 1924, S. 10–12]³.

В ответ развернулась горячая, временами ожесточенная, полемика по поводу авторства ММ и развития аристотелевской этики в целом: Э. Капп, ученики Йегера Р. Вальцер и К. Бринк, а также Ф. Дирльмайер и сам Йегер доказывали послеаристотелевский характер ММ, указывая на чуждые аристотелевскому стилю черты [Kapp, 1927; Jaeger, 1948², p. 440–447; Walzer, 1929; Brink, 1933; Dirlmeier, 1939, S. 214–243]. В отличие от преобладавшей ранее датировки ММ — время схолархата Феофраста в Ликее — Ф. Дирль-

² См. особенно: [Jaeger, 1948¹, p. 238–244].

³ Этой датировке фон Арним остался верен и в последней своей работе, опубликованной в год смерти [Arnim, 1969, S. 51, 69], несмотря на появление у него постепенно мысли о более ранней редакции сочинения (см. далее).

майер относил сочинение к гораздо более позднему времени — после середины II в. до н. э.⁴

Сам фон Арним неоднократно в резкой форме возражал своим оппонентам, при этом уточняя и даже модифицируя свою позицию [Arnim, 1927², S. 113–137, 223–253; 1928¹; 1929; 1972, S. 1–54]. В ответ на возражения В. Йегера, относящиеся к большому количеству неаттических языковых явлений в ММ: ὑτέρ вместо аттического περί с генитивом в значении ‘о (ком-то, чем-то)’, употребление ионийских форм глагола οἶδα, глагол-связка во множественном числе при подлежащем, выраженном существительным среднего рода во множественном числе [Jaeger, 1948², p. 440–442] — фон Арним выдвинул предположение, что Аристотель, родным диалектом которого был ионийский, стремился строго придерживаться аттической нормы, когда писал или произносил лекции для аттической публики, однако, работая за пределами Афин, меньше обращал внимания на соблюдение аттической нормы: ионизмы встречаются, помимо ММ, в других аристотелевских сочинениях, особенно в «Топиках» и «Аналитиках», которые также, согласно фон Арниму, были написаны в годы странствий. В отличие от других лекций, ММ не подверглась стилистической обработке по возвращении в Афины (где, согласно фон Арниму, курс читался и был дополнен актуальными примерами около 335 г. до н. э.), так как ему на смену вскоре пришел новый текст — ЕЕ. Особую частоту

⁴ Главный аргумент Дирльмайера [Dirlmeier, 1939, S. 234–242] в пользу этой датировки ММ основывался на одном пассаже, в котором упомянуто мнение тех, кто неприязненно относится к удовольствию, — они, не считая, что удовольствие относится к благам, τὸ γὰρ ἄλπον προστιθέασιν. Дирльмайер истолковал это так, что к определению «счастье есть добродетель» они добавляют «а также отсутствие огорчения»; он счел, что эта формулировка соответствует положению перипатетика Диогена (ученик Критолая, 2-я пол. II в. до н. э.), который adiungit ad honestatem vacuitatem doloris (Cic. De fin. V, 14). Эту датировку позднее поддержал Д. Аллан [Allan, 1957, p. 7], но сам Дирльмайер впоследствии, защищая принадлежность ММ Аристотелю, предложил иное понимание: упомянутые философы *определяют* счастье как отсутствие огорчения (см. к подобному значению προστίθημι ‘присоединять предикат к субъекту’ Bonitz 648 b 26), — правильно, на наш взгляд, так как перед этим не было речи о том, что счастье состоит в добродетели.

неаттических форм в ММ, даже по сравнению с другими сочинениями, написанными за пределами Афин, он объяснял тем, что первоначальная редакция ММ относится к более позднему периоду, перед самым возвращением в Афины, возможно уже не при дворе Филиппа, но в Стагирах (Арним предполагал, очевидно, нечто вроде прогрессирующей вторичной ионизации стиля Аристотеля во время его странствий) [Arnim, 1972, S. 7–14]⁵.

Противники подлинности ММ одержали в этой дискуссии верх, и мнение о неподлинности ММ сделалось почти единодушным⁶. Однако более двух десятилетий спустя, когда концепция Йегера с различных сторон подверглась критике, Ф. Дирльмайер, который сам прежде выступал против принадлежности ММ Аристотелю, в ходе работы над комментарием к ММ (издан в 1958 г.) пришел к выводу, что это сочинение написано Аристотелем и предшествует по времени двум остальным «Этикам», как полагал и фон Арним. Дирльмайер, систематически сопоставляя рассуждения ММ с двумя другими этическими сочинениями, стремился показать ошибочность представления об авторе ММ как компиляторе, опиравшемся в своей работе на текст ЕЕ и в меньшей степени ЕН. Он также оспорил предполагаемые другими учеными следы влияния на автора ММ стоических положений.

Сложнее позиция Дирльмайера в отношении стилистических и языковых особенностей ММ: с одной стороны, он подчеркивает внутреннее единство ММ, в том числе однородность стиля, отсутствие интерполяций; также лексически ММ, согласно Дирльмайеру, вполне соответствует аристотелевскому словоупотреблению, а не встречающиеся в других сочинениях Корпуса слова «почти всегда оказываются чисто аттическими». С другой стороны, сведя к минимуму обычно предполагавшиеся следы влияния эллинистиче-

⁵ Ср. уже ранее о возникновении первой редакции ММ до или вскоре после смерти Спевсиппа (338 г. до н. э.): [Arnim, 1928¹, S. 55].

⁶ См. обзор дискуссии о трех аристотелевских этиках: [Mansion, 1972, S. 66–148], с выводами в пользу противников фон Арнима (о ММ см. также: [Dirlmeier, 1983, S. 131–141]). «The work is best treated as an example of Peripatetic criticism of the master, undertaken during the attempt to reaffirm his principal positions against the followers of Chrysippus» [Allan, 1957, p. 11].

ской прозы, Дирльмайер признает формальную необычность ММ внутри корпуса — некоторую педантичность в сочетании с чертами разговорного стиля (вопросы, задаваемые воображаемому собеседнику).

Все эти особенности языка и стиля были отмечены противниками авторства Аристотеля еще в XIX в. и кратко суммированы Йегером в его работе 1928 г.; стиль ММ был позднее подробно исследован Бринком [Jaeger, 1948², p. 440–442, n. 1; Brink, 1933]⁷. Дирльмайер, однако, полагал, что эти необычные черты не противоречат авторству Аристотеля, и объяснял их, вслед за фон Арнимом, тем, что ММ отражает подлинный стиль его лекций, который менее заметен в других сочинениях Корпуса, также представлявших собой лекции, но обработанные Аристотелем стилистически (в отличие от фон Арнима Дирльмайер делает упор не на влиянии языковой среды за пределами Афин, но на сохранении в ММ идиолектных черт языка самого Аристотеля, видимо, по его мнению, остававшихся неизменными на протяжении жизни, но «ретушированных» в других его сочинениях).

В то же время Дирльмайер, в отличие от фон Арнима, не решился отнести все формальные особенности ММ на счет *Vortragstil* этого сочинения: некоторые особенности языка ММ он склонен все же объяснять обработкой текста позднейшим перипатетическим редактором, вмешательство которого в текст носили, однако, поверхностный характер⁸. На счет этого анонимного редактора Дирльмайер относит необычно частое употребление предлога *ὕπερ* вместо аттического *περί* с генитивом в значении ‘о (ком-то, чем-то)’, которое характерно для ионийского диалекта и затем становится обычным в койне; в аттических надписях это явление становится заметным только после 300 г. до н. э.⁹ Примечательно, что

⁷ Об особенностях языка ММ см. также: [Dirlmeier, 1939, bes. S. 217–228].

⁸ См. краткое резюме наблюдений и выводов, содержащихся в комментарии: [Dirlmeier, 1983, S. 146–147, 185].

⁹ См.: [Dirlmeier, 1983, S. 149–154] — здесь приведена статистика употребления обоих предлогов в этом значении в аристотелевском Корпусе; она показывает, что *ὕπερ* в значении *περί* не чуждо подлинным сочинениям Аристотеля, но ММ отличается в этом отношении необычной частотностью —

Дирльмайер готов признать аристотелевским частое употребление в ММ ионийских форм οἶδα, которые чередуются в ММ с аттическими, иногда даже в пределах одного предложения, которые до него обычно, за исключением фон Арнима, считались противоречащими авторству Аристотеля [Dirlmeier, 1983, S. 157–158].

Дирльмайер проявлял осторожность в отношении абсолютной хронологии ММ, как и двух других этических сочинений. В своем комментарии он неоднократно отмечает стилистическую близость ММ к логическим сочинениям Аристотеля, особенно к его «Топикам», сочинению, которое обычно считается весьма ранним, однако, насколько можно судить, он не сделал из этого каких-либо хронологических выводов, полагая, видимо, что мы не располагаем надежными указаниями для датировки самих «Топик»¹⁰. Но в одном случае он выражается более определенно: упоминание Мендора (см. далее) указывает, по его мнению, на дату около 342 г. до н. э., т. е. период пребывания Аристотеля в Македонии, причем он возражает против попыток «aus dem blauen Himmel» постулировать вторую, позднейшую редакцию текста, имея в виду, очевидно, ги-

92 случая из 123 в Корпусе, включая и бесспорно не принадлежащие Аристотелю сочинения, относящиеся к эллинистической эпохе.

¹⁰ О стиле «хандбуха», характерном для обоих сочинений, см.: [Dirlmeier, 1983, S. 134, 147]; «ты-стиль» обращения к воображаемому собеседнику»: [Dirlmeier, 1983, S. 193–194] и т. д. Предположение о близости ММ к «Топикам» было высказано уже фон Арнимом, который усматривал в этических примерах этого сочинения наиболее ранний вариант этического учения Аристотеля, особенно близкий к платонизму, однако сами «Топики» относил не к периоду в Академии, но уже к пребыванию Аристотеля при дворе Гермия в Ассосе [Arnim, 1927¹, S. 126–133]. Сам Дирльмайер подверг критике некоторые из следов влияния Платона, обнаруженных фон Арнимом в «Топике» и ММ ([Dirlmeier, 1983, S. 164] — о трехчастном делении души). Однако наблюдения Дирльмайера об особой близости ММ к «Топикам» и — в меньшей степени — к логическим сочинениям в целом, рассыпанные по всему его комментарию, трудно опровергнуть, и они служат доводом в пользу принадлежности ММ Аристотелю (анонимный перипатетик едва ли стал бы перерабатывать этические трактаты Аристотеля так, что окончательный текст показал бы большую близость к далеким по теме «Топикам», чем оригинал) и указывают, кроме того, на относительно раннюю датировку этого сочинения.

потезу фон Арнима о двух редакциях ММ, македонской и афинской [Dirlmeier, 1983, S. 147, 347]. Эти соображения Дирльмайера не получили, на наш взгляд, должной оценки, а иногда даже были либо истолкованы, либо развиты, как будет видно, неверно¹¹. Кое-что в его позиции выражено лишь имплицитно: так, критикуя фон Арнима, своего предшественника, за предположение, что Аристотель пользовался в Афинах текстом, содержавшим ионизмы [Dirlmeier, 1983, S. 136–137], Дирльмайер, наверное, имел в виду, что подобную ситуацию легче себе представить в Македонии, что подходит и в плане предполагаемой им датировки, однако положительно он в таком роде не высказался.

К этим вопросам еще предстоит вернуться, а пока придется констатировать, что со времени появления комментария Дирльмайера изучение ММ продвинулось мало.

И. Дюринг согласился с выводами Дирльмайера о принадлежности ММ Аристотелю в плане содержания, в первую очередь с тем, что текст сочинения в целом не может быть позднейшей компиляцией, составленной на основе EE и EN, а также с ранней датировкой учения, изложенного в ММ; однако он даже решительнее, чем Дирльмайер, считает, ввиду языковых особенностей ММ, что Аристотель не мог сам писать или диктовать этот текст [Düring, 1961, S. 550]¹². По содержанию Дюринг относит ММ к первой

¹¹ Дюринг [Düring, 1968, Sp. 281–281] ошибочно утверждает, что согласно Дирльмайеру ММ — это курс лекций Аристотеля, читавшийся в Академии, из чего, по мнению Дюринга, неизбежно следует, что сочинение было переработано после возвращения в Афины (поскольку исторические указания ведут в направлении даты после 342/341 г. до н. э. В действительности Дирльмайер нигде не относит ММ к столь раннему времени и полагает, что дата 341 г. до н. э. — приблизительное указание на время написания ММ, и притом единственной редакции сочинения (если не считать поверхностную обработку редактора, для которого было характерно ионийское *ὐτέρ*). Тот же взгляд ошибочно приписывает Дирльмайеру вслед за Дюрингом Дадли [Dudley, 2012, p. 237, n. 2].

¹² Дюринг находит неаристотелевскими больше языковых особенностей ММ, чем Дирльмайер, — не только частое употребление *ὐτέρ* вместо *περί*, но и ионийские формы глагола *οἶδα*, плеонастическое употребление местоимений (особенно *αὐτός*), усиление значения перфекта по сравнению с аорис-

половине 350-х годов до н. э. и видит в этом сочинении лекции, читавшиеся Аристотелем для начинающих студентов в Академии (отсюда упрощенное и схематичное изложение), которые он впоследствии решил вновь использовать после возвращения в Афины для такой же аудитории, включавшей и Нелея, родственника Теофраста, который, по всей видимости, упомянут в тексте. Для этой цели Аристотель просил кого-то из помощников, возможно Теофраста, «актуализовать» текст и использовать его для чтения лекций юношам (сам он, согласно его замечаниям в EN, уже не считал молодых людей подходящими слушателями для этических предметов, см. EN I, 1, 1095 а 2–3) — отсюда признаки неаристотелевского стиля и упоминания людей и событий, которые анахроничны для первой половины 350-х годов до н. э., к которым восходит основное содержание курса [Düring, 1961, S. 557]. Как признает сам Дюринг, его предложение сугубо гипотетично, однако недостаток его не в этой, неизбежной, гипотетичности, но в том, что оно опирается в качестве бесспорных или весьма вероятных на посылки, которые таковыми не являются: во-первых, нет веских оснований относить создание оригинальной версии ММ к столь раннему времени, как первая половина 350-х годов до н. э.¹³; во-вторых, неправдоподобно, что кто-то из учеников Аристотеля, готовя его лекции для афинской аудитории, внес в текст, написанный в основном на правильном аттическом диалекте, все упоминавшиеся выше ионизмы¹⁴. Предположение, что Аристотель поручил кому-то свой

том, формулы перехода ἐφ' ἅπασι τοῦτοις (только один раз — II, 11, 1208 b 3), τὸ δ' ὅλον. Об употреблении необычных перфектных форм см.: [Dirlmeier 1983, S. 230, 397] (это характерно и для логических сочинений Аристотеля).

¹³ Столь ранняя датировка ММ у Дюринга основывается, видимо, на том, что ММ имеет много общих черт с «Топиками» (их Дюринг датирует тем же временем), а также на том, что ММ должна была предшествовать ЕЕ, а последняя, по Дюрингу, была написана еще в период пребывания Аристотеля в Академии, между 355 и 348 гг. до н. э. [Düring, 1966, S. 49–50]. Хотя относительно ранний характер «Топик» не вызывает сомнений, однако их абсолютная дата не может быть установлена. Еще менее надежно отнесение ЕЕ к периоду пребывания Аристотеля в Академии.

¹⁴ Предположение Дюринга явно основывается на том, что некоторые особенности языка и стиля ММ, как отмечал Дирльмайер, находят параллели

ранний текст, так как более не считал целесообразным чтение лекций по этике молодым людям, лишено оснований: ничто не говорит о том, что ММ рассчитана на юных слушателей; упоминание Нелея не обязательно указывает на афинский период (см. далее).

Д. Купер согласен с Дирльмайером в том, что ММ принадлежит Аристотелю и представляет собой наиболее ранний вариант его лекций по этике, но не принимает его соображений о близости ММ к «Топикам». Как и другие сторонники аутентичности, начиная с фон Арнима, он вынужден прибегать к гипотезе о двух редакциях, для того чтобы объяснить ионизмы и исторические указания, несовместимые, по его мнению, с ранней датировкой лекций: в отличие от Дюринга он, однако, считает, что в основе ММ лежит не собственный текст Аристотеля, но запись лекций, сделанная кем-то из учеников, который привел их позднее в порядок [Cooper, 1973].

В целом доводы Дирльмайера в пользу принадлежности ММ Аристотелю не встретили поддержки в науке, однако и не были рассмотрены по существу. Возражения К. Рау против авторства Аристотеля сводятся к критике доводов Купера в пользу оригинальности и менее зрелого характера некоторых рассуждений ММ; он сам видит в них, напротив, недостаток понимания мыслей Аристотеля в ЕЕ и EN [Rowe, 1975]. Э. Кенни, который, опираясь на лингвостатистический анализ ЕЕ и EN, пришел к выводу, что ЕЕ написана позднее и «средние книги» в их настоящем виде принадлежат ей, также разделяет взгляд на ММ, сложившийся в 1920–1930-е годы, как на эллинистическую переработку ЕЕ и в меньшей степени EN [Kenny, 1978]. Он видит слабость гипотезы о раннем характере ММ, в частности, в том, что её сторонники вынуждены прибегать к допущению второй, более поздней редакции сочинения. С конца 1970-х годов подлинность и хронология ММ в науке

ли у Феофраста (ср.: [Düring 1961, S. 550]), в первую очередь частое употребление $\delta\lambda\epsilon\rho$ вместо $\mu\epsilon\rho\acute{\iota}$, см. [Dirlmeier, 1983, S. 153–154]; $\tau\acute{o}\ \delta'$ $\acute{o}\lambda\omicron\nu$, [Dirlmeier, 1983, S. 156], асиндетон [Dirlmeier, 1983, S. 204]. См., однако, в отношении «простого» стиля ММ: [Dirlmeier, 1983, S. 214] — он не находит аналогий ни у Феофраста, ни у позднейших перипатетиков, но напоминает некоторые части несомненных аристотелевских сочинений (EN).

не обсуждались всерьез, и сегодня почти безгранично господствует тот взгляд на сочинение, который установился еще в 20–30-е годы XX в.: позднейшая компиляция, составленная главным образом на основании ЕЕ и в незначительной степени ЕН, с некоторыми добавлениями, в которых угадываются тенденции, характерные для послеаристотелевского Перипата [Inwood, 2014, p. 129, n. 22]¹⁵.

Исключения немногочисленны, но они заслуживают внимания, так как показывают, что вопрос об аутентичности и датировке ММ не может считаться окончательно решенным. Д. Дадли, разбирая трактовку Аристотелем концепции случайности, предполагает, что ММ — это подлинное и при этом наиболее позднее из трех этических сочинений, относящееся к концу жизни Аристотеля, представляющее собой точную запись его лекций: согласно Дадли, хронологическая последовательность всех трех — ЕН — ЕЕ — ММ. Это предложение призвано устранить гипотезу о редакторе, из-за которого в тексте появились указания на исторические персонажи и события, несовместимые с ранней датировкой сочинения, которую предлагают Дирльмайер и его последователи [Dudley, 2012, p. 237, n. 12]. В соображения Дадли, что в трактовке случайности ЕЕ показывает прогресс в сравнении с ЕН, а ММ — в сравнении с ЕЕ, мы не можем здесь входить по существу, но нам они представляются малоубедительными. Общее впечатление, которое разделяют сторонники и противники аутентичности, что изложение ММ, как правило, более схематично и лапидарно в сравнении с ЕЕ и ЕН, совпадает с тем, которое сложилось у нас при чтении текста. Кроме того, гипотеза Дадли о ММ как лекциях, читавшихся в Афинах и записанных так, как они произносились (это должно объяснить педантичный стиль изложения и одновременно элементы разговорного стиля, отмеченные Дирльмайером), вступает в противоречие с наличием множества ионизмов, о которых Дадли не упоминает: в Афинах Аристотель вряд ли мог выступать в такой манере.

П. Симпсон в недавно вышедшем комментированном переводе ММ также защищает авторство Аристотеля. Намеки историческо-

¹⁵ В книге Инвуда автор ММ фигурирует под именем «Магнус». Ср. также: [Szaif, 2012, S. 17].

го характера требуют, по его мнению, датировать ММ не ранее 330-х или даже 320-х годов до н. э., а возможно, и концом жизни Аристотеля; менее разработанный характер учения в сравнении с двумя другими «Этиками» и особенности ее языка и стиля он объясняет тем, что ММ, в отличие от двух других «Этик», была опубликована и предназначалась для широкой публики («экзотерическое» сочинение) [Simpson, 2014, р. XIX–XXII]. Это предложение кажется шагом назад по сравнению с исследованиями фон Арнима и Дирльмайера. Как бы ни определять стилистические особенности ММ (нам кажется точной характеристика Дирльмайера, несмотря на известную субъективность всех подобных оценок — разговорная, но при этом сухая, лишенная риторичности манера школьного класса), исключено, что мы имеем дело с опубликованным сочинением. Против этого говорит наличие ионизмов и хиаты, которых Аристотель избегал в сочинениях, предназначенных для публикации, как свидетельствуют «Афинская полития» и сохранившиеся фрагменты опубликованных сочинений (отсутствие хиатов характерно и для ботанических сочинений Феофраста, которые были опубликованы). К вопросу о том, требуют ли исторические указания в ММ столь поздней датировки, как предлагает Симпсон, нам еще предстоит вернуться.

Подводя итог этой долгой, но, наш взгляд, увлекательной и плодотворной, несмотря на спорность итогов, полемики, суммируем ее итоги, тем более что доводы фон Арнима и Дирльмайера в пользу подлинности ММ редко учитываются обеими сторонами, в какой-то мере, наверное, из-за полемичности и многочисленности работ первого и громоздкости труда второго, лишенного указателей (позиция Дирльмайера даже не всегда правильно понимается, см. выше), но еще больше из-за прогрессирующей приверженности англофонных историков философии принципу «*Teutonica sunt, non leguntur*».

Комментарий Дирльмайера, важнейшая веха в изучении ММ, показал, что метод работы ее автора не похож на простое компилирование из текстов EE и EN, а также сильно подорвал позиции тех, кто находил в нем следы влияния послеаристотелевских теорий (например, Феофраста) и полемики с эллинистическими теориями

(Стоя). Взгляд на ММ как на простую компиляцию из двух других «Этик» после работы Дирльмайера уже не находит сторонников.

Что же касается предположения, которое сегодня преобладает: ММ — это относительно самостоятельная переработка аристотелевского учения, нечто вроде критического комментария эллинистического перипатетика — его, разумеется, опровергнуть труднее, но общее впечатление, полученное нами из внимательного, но выборочного чтения, скорее соответствует выводам Дирльмайера: ММ примечательна близка двум «Этикам» (особенно ЕЕ) и по содержанию, и по композиции, в целом более кратка, чем они, и в сравнении с ними кажется иногда конспективной; она, вместе с тем, содержит рассуждения и отдельные аргументы, либо отсутствующие в обеих других версиях, либо значительно отличающиеся от них, — одним словом, чересчур самостоятельна, чтобы быть компиляцией, и чересчур близка к ЕЕ, чтобы представлять собой ее критическую переработку. Отметим также, что содержательное и стилистическое превосходство ЕЕ и НЕ в сравнении с ММ кажется нам практически во всех случаях, которые мы обдумывали, неоспоримым (в этом плане предположение, что ММ, будучи сочинением Аристотеля, могла бы быть позднее, чем ЕЕ или ЕН, видимо, следует исключить). Специфические нюансы ММ по большей части не выглядят как приспособление учения Аристотеля к современным нуждам (правдоподобно ли, кстати, что эллинистический автор ни разу не назвал своих оппонентов?). Добавим к этому ссылку автора ММ на «Аналитики» как на собственное сочинение (II, 6, 1201 b 24–25): это означает, что если он не тождествен Аристотелю, то выдает себя за Аристотеля, беспрецедентный пример в аристотелевском корпусе¹⁶.

¹⁶ Напротив, соображение Д. Аллана [Allan, 1957, p. 7–10], что ссылка на ММ на ἠθικά — Ἔστιν δ' ἡ ἀρετὴ ἡ ἠθικὴ ὑπὸ ἐνδείας καὶ ὑπερβολῆς φθειρομένη. ὅτι δὲ ἡ ἐνδεία καὶ ἡ ὑπερβολὴ φθείρει, τοῦτ' ἰδεῖν ἔστιν ἐκ τῶν ἠθικῶν (δεῖ δ' ὑπὲρ τῶν ἀφανῶν τοῖς φανεροῖς μαρτυρίοις χρῆσθαι). εὐθέως γὰρ ἐπὶ γυμνασίων ἴδοι ἄν τις κτλ. (1185 b 15) — вводит цитату из НЕ, а это доказывает, что автором ММ не мог быть Аристотель, так как тот не мог бы подобным образом ссылаться в одном своем этическом сочинении на другое, остроумно, но вряд ли убедительно: автор ММ, даже если это не Аристотель, следует манере Аристотеля, а у того ссылки такого рода как раз слу-

В необычности языковых характеристик ММ многие противники авторства Аристотеля усматривали явления, типичные для койне, и считали это свидетельством того, что сочинение было написано в эллинистическую эпоху. Фон Арним первым справедливо указал на то, что те же особенности встречаются в других, несомненно принадлежащих Аристотелю, сочинениях Корпуса, и столь же верно связал их с влиянием языковой среды за пределами Афин¹⁷. Ионийские формы οἶδα в несомненно принадлежащих Аристотелю сочинениях Корпуса встречаются, кроме ММ, только в логических сочинениях и один раз в EN (1156 b 27); ὑτέρ вместо περὶ, помимо ММ (мы насчитали 100 раз), — только в «Топике» (7 раз), «Категориях» (6)¹⁸, «Риторике» (4) и в EN (9). Предположение фон Арни-

жат для того, чтобы избежать повтора, и исключают пересказ. Скорее это несколько неуклюжая ссылка на саму сферу этических явлений (для такого значения ἠθικά ср. 1181 a 1). Общий смысл таков: «Этическая добродетель испытывает ущерб от избытка и недостатка. А то, что недостаток и избыток <действительно> губит, можно усмотреть в области нравственных явлений, если пользоваться в качестве аналогии очевидными вещами, которые должны прояснить неочевидные». Затем следует серия аналогий, проясняющих, как избыток и недостаток губительны: в упражнениях — для силы, в питании — для здоровья и, наконец, в проявлении аффектов — для формирования добродетели. Шероховатость состоит в том, что τοῦτ' ἰδεῖν ἔστιν ἐκ τῶν ἠθικῶν, на первый взгляд, отсылает к более явным аналогиям из иной сферы (отсюда популярное исправление ἐκ τῶν αἰσθητῶν), но на самом деле это повторение уже высказанной мысли, с указанием, как именно ее можно подтвердить (вмешательства в текст, которые не раз предлагались, см. аппарат Ф. Зуземиля: [Susemihl, 1883, ad loc.], на наш взгляд, излишни, но для облегчения мы бы предложили в качестве минимального исправления ἐπὶ τῶν ἠθικῶν и более решительно — отказ от знаков парентезы после этих слов). В целом наше понимание близко к Дирльмайеру [Dirlemaier, 1983, S. 210], но несколько различается в понимании логики и синтаксиса (благодарим участниц нашего магистрантского семинара Н. А. Кузнецову и С. С. Дубову за соображения, высказанные в ходе обсуждения этого места).

¹⁷ О значении сочинений Аристотеля для истории койне писалось неоднократно, но детального изучения его языка в этом плане до сих пор нет. Статья Стивенса [Stevens, 1936] посвящена лишь употреблению некоторых предлогов.

¹⁸ Скопление ὑτέρ (6 раз на 6 строк текста, здесь же одно περὶ в том же значении) наблюдается в Cat. 9, 11 b 10–16, пассаже, который обычно счи-

ма, что ионизмы характерны для сочинений, написанных за пределами Афин, поскольку Аристотель во время лекций меньше следил за аттической правильностью своей манеры изложения, кажется, ведет в правильном направлении, но нуждается в уточнениях. Разумеется, отсутствие в том или ином курсе лекций ионизмов не доказывает, что он писался изначально в Афинах: Аристотель мог редактировать ранее написанные тексты, когда он читал их для афинской аудитории. Однако наличие у Аристотеля школьных сочинений, в которых обсуждаемые признаки «протокойне» отсутствуют полностью, показывает, что в определенных случаях он сознательно избегал ионизмов; можно думать, по аналогии с его опубликованными сочинениями, что это происходило тогда, когда сохранившийся текст либо изначально предназначался либо впоследствии редактировался для афинской аудитории. Наличие ионизмов, напротив, можно объяснять по разному — и тем, что данное сочинение сохранило, несмотря на обработку, следы своего возникновения в неаттической среде (на наш взгляд, это правдоподобное объяснение для ионизмов в ранних логических сочинениях), и тем, что Аристотель, собственной манере которого были присущи ионизмы, не успел обработать его, хотя сочинение писалось уже в Афинах, что возможно в случае с EN.

Другое допущение фон Арнима — что влияние ионийской языковой среды на Аристотеля за пределами Афин со временем усиливалось и достигло апогея ко времени написания MM, чем и объясняется языковая необычность этого сочинения (сам фон Арним датирует MM началом афинского периода, вскоре после возвращения, но считает, что его первоначальная редакция создавалась в Македонии) — не подтверждается количеством ионизмов в других работах и, как мы постараемся показать, является излишним. Примечательно, что в EE практически нет ионизмов, а в EN (по всей вероятности, более позднем сочинении, чем EE) они встречаются, хотя и редко. На первый взгляд, это странно, но может быть объяснено тем, что Аристотель, хотя и писал EN (как и EE) в расчете

тают интерполяцией, см.: [Minio-Paluello, 1956, ad loc.; p. V. ad not. 1]; см., однако, в защиту подлинности этого места: [Ebert, 1985, S. 67, 117, Anm. 12].

на афинских слушателей, не успел до конца жизни придать этому, более позднему, курсу окончательную отделку: вступительная часть ЕЕ свободна от хиатов, что указывает на тщательную стилистическую обработку, однако дальнейший текст написан более небрежно и, видимо, незакончен, — возможно, потому, что Аристотель отказался от дальнейшей обработки этого курса, перейдя к написанию EN.

Приведенный Дирльмайером материал (заведомо не полный) показывает, что для предполагаемого им редактирования текста лекций ММ в Афинах времени Феофраста нет достаточных оснований. Действительно, постепенное увеличение частотности $\acute{\upsilon}\lambda\acute{\epsilon}\rho$ заметно даже у поздних афинских ораторов, Демосфена и Эсхина, т. е. современников Аристотеля, по сравнению с их более ранними предшественниками, хотя их язык отличается большей аттической правильностью, чем язык Феофраста [Dirlmeier, 1983, S. 153–154]. Сочинения Феофраста показывают большую частоту $\acute{\upsilon}\lambda\acute{\epsilon}\rho$ в сравнении с сочинениями аристотелевского Корпуса и тенденцию к возрастанию этой частоты со временем, при том что оба ботанических труда Феофраста, дающие наиболее представительный материал для сопоставлений, в отличие от аристотелевских лекций, были опубликованы и имеют черты отделанной аттической прозы (избегание хиатов и даже ритмизация)¹⁹.

Наши подсчеты, основанные на просмотре при помощи TLG всего феофрастовского Корпуса, дают результаты, несколько отличающиеся от тех, что приведены у Дирльмайера: отношение $\acute{\upsilon}\lambda\acute{\epsilon}\rho$ к $\pi\epsilon\rho\acute{\iota}$ с глаголами и существительными *legendi, investigandi, disputandi* в более ранней «*Historia plantarum*» (306–299 гг. до н. э.) 16 : 93 случаев; в позднейших «*Causae plantarum*» — 49 : 126²⁰. Бо-

¹⁹ О стилистических особенностях ботанических сочинений Феофраста см.: [Hindenlang, 1910].

²⁰ Датировка ботанических сочинений: [Regenbogen, 1940, Sp. 1452–1453]. Небольшая по объему «*Μεταφυσικα*» Феофраста, которая представляла собой школьный курс лекций, написанный, скорее всего, до переезда в Афины в 335 г. до н. э. (о дате написания «*Μεταφυσικα*» см.: [Gutas, 2010, p. 5–6]), показывает ожидаемо бóльшую частоту $\acute{\upsilon}\lambda\acute{\epsilon}\rho$, чем позднейшие ботанические сочинения, относящиеся к афинскому периоду и предназначавшиеся для пуб-

лее ранние, чем оба ботанических трактата, и ориентирующиеся на риторическую прозу «Характеры» содержат 2 примера ὑπερ против 10 περὶ²¹. По-видимому, прогрессирующая тенденция к увеличению частоты ὑπερ действовала под влиянием разговорного языка даже в прозе, ориентированной на аттическую норму, и притом даже в Афинах, где разрыв между разговорным и литературным языком был несомненно меньше, чем в других частях греческого мира. Очевидно, что влияние этих тенденций зависело от различных факторов — от аудитории, на которую ориентировался автор, от того, насколько он свыкся с аттической нормой, и др.

Все выводы из этих, разумеется, сугубо предварительных данных могут иметь только гипотетический характер; ясно лишь, что при решении вопроса об авторстве ММ нужно учитывать противоречивые тенденции. Действительно, «школьные» сочинения Аристотеля гораздо более строги в избегании ὑπερ, чем сочинения Феофраста: Аристотель провел около 20 лет в Афинах в молодости, когда происходит выработка стиля, в отличие от Феофраста, обучение которого в Академии, если и имело место, то продолжалось недолго; кроме того, Аристотель, в своих рассчитанных на публикацию сочинениях, вероятно сильнее Феофраста сопротивлялся влиянию разговорного языка из-за разницы в возрасте; к тому же влияние этих разговорных тенденций на литературный язык со временем усиливалось.

Большая приверженность сочинений Аристотеля аттической литературной норме по сравнению с Феофрастом делает, на первый взгляд, неизбежным вывод, к которому пришел Дирльмайер: необычную частотность ионизмов в ММ (речь идет главным образом, как мы видели, об употреблении ὑπερ вместо περὶ) следует объяснить обработкой текста позднейшим редактором. Однако есть основания сопротивляться этой гипотезе: во-первых, сам Дирльмайер показал единство ММ в содержательном и формальном от-

ликации, но общее количество случаев слишком мало для решительных выводов.

²¹ «Характеры» по содержащимся в них аллюзиям относятся ко времени вскоре после 319 г. до н. э.: [Stein, 1992, S. 44–45].

ношениях и тем самым шаткость гипотез о двух редакциях сочинения; во-вторых, в ММ имеются и другие ионизмы, пусть не существенно, но превышающие количественно те, что встречаются в несомненных сочинениях Аристотеля, которые сам Дирльмайер готов отнести на счет сохранения в ММ индивидуального разговорного стиля самого философа; в-третьих, столь решительного преобладания $\acute{\upsilon}\lambda\acute{\epsilon}\rho$ над $\pi\acute{\epsilon}\rho\acute{\iota}$, как в ММ (92 : 12), не наблюдается даже у Феофраста, а для прочих памятников эллинистической научной прозы оно характерно еще в меньшей степени, как показывают выборочные подсчеты, приведенные самим Дирльмайером.

Правдоподобна ли в таком случае гипотеза о редакторе, оставившем доказуемые следы своей работы главным образом в виде интенсивной, но непоследовательной вульгаризации языка ($\acute{\upsilon}\lambda\acute{\epsilon}\rho$ не вытеснило полностью $\pi\acute{\epsilon}\rho\acute{\iota}$ в ММ)? Не следует ли скорее в необычно частом употреблении $\acute{\upsilon}\lambda\acute{\epsilon}\rho$ вместо $\pi\acute{\epsilon}\rho\acute{\iota}$, также встречающемся, хотя и реже, в принадлежащих Аристотелю сочинениях, видеть опять-таки особенность его лекционной манеры (автоконтспект или даже стенографирование)?²²

Мы предложили бы поэтому своего рода комбинацию гипотез обоих сторонников подлинности ММ — фон Арнима и Дирльмайера: ММ — это курс лекций самого Аристотеля, который был, во-первых, написан и читался в языковой среде, где не было необходимости строго выдерживать аттическую норму, например в Македонии, и который, во-вторых, по той же причине сохранил индивидуальные черты языковой манеры Аристотеля с присущими ей ионизмами, которые он обычно устранял в лекциях и опубликованных сочинениях, предназначенных для афинской публики. В данном случае в этом не было необходимости, так как на смену ММ после переезда в Афины пришли последовательно два других этических курса — сперва ЕЕ, а затем EN, — предназначавшихся в виде лекций уже для аттической аудитории. В самом деле, если

²² Если допустить, что ММ вообще не принадлежит Аристотелю, и на место редактора текста поставить анонимного компилятора, который опирался в своей работе на ЕЕ, наиболее аттическую по стилю версию «Этик», то это предположение об «ионизации» выглядит еще менее правдоподобным.

ММ принадлежит Аристотелю, то мы имеем дело с единственным для аристотелевского корпуса случаем сохранения трех вариантов одного и того же курса; в других сочинениях следы работы над темой сохранились лишь в виде дублетов или квази-дублетов отдельных частей текста, включенных впоследствии в корпус его издателями²³.

С принадлежностью ММ Аристотелю и с написанием этого трактата в Македонии, до возвращения в Афины согласуются, как мы постараемся далее показать, и исторические указания в ММ. Как правильно доказывал фон Арним, все они ведут в направлении относительно поздней датировки этого сочинения — как мы постараемся, однако, показать, не столь поздней, как полагал фон Арним. Решающее значение здесь имеет упоминание Ментора. Речь идет о пассаже, в котором автор ММ рассматривает интеллектуальное качество, именуемое *δεινότης*, т. е. практическая сноровка, ловкость. Он отмечает, что этому качеству не всегда сопутствует *φρόνησις*, рассудительность, тогда как рассудительность всегда предполагает наличие практичности. В качестве примера приводится Ментор: «так, Ментор казался практичным человеком, но не был рассудительным» (ММ I, 34, 1197 b 18–26). Далее дает-

²³ О причинах того, почему именно этический курс потребовал столь радикальной переработки, приходится, разумеется, говорить предположительно. Дело, однако, безусловно не в эволюции самого этического учения, как полагал Йегер и его последователи (все три «Этики» содержат по существу одну и ту же теорию, несмотря на отдельные изменения в позиции), — скорее в изменении отдельных трактовок и в поиске более убедительной аргументации (метод этики, по Аристотелю, наименее строг в сравнении с другими философскими дисциплинами), что, в свою очередь, вело к изменениям композиционного характера, а также оптимальной формы изложения. То, что Аристотель не уничтожил более ранние версии курса, вероятно, объясняется тем, что он не считал работу законченной и более ранние версии продолжали сохранять для него определенный интерес (EN, несомненно наиболее совершенная и, скорее всего, наиболее поздняя из них, которая, как мы думаем, предназначалась в конечном счете для публикации, несет все же следы незавершенности, в том числе и стилистической; на незавершенность всего замысла указывает и сохранение трех «общих книг» для двух значительно отличающихся друг от друга версий, EE и EN).

ся определение обоих свойств: рассудительности присуще стремление к (нравственно) наилучшим вещам и способность всякий раз предпочитать их (нравственно менее ценным), а также совершать соответствующие поступки. Практичность же — это способность мысленно находить средства для осуществления каждого поступка (все равно, нравственного или негодного) и предоставлять их в распоряжение рассудительности:

ἡ γὰρ δεινότης καὶ ὁ δεινὸς οὐκ ἔστι μὲν οὔτε φρόνησις οὔτε φρόνιμος, ὁ μὲντοι φρόνιμος δεινός, διὸ καὶ συνεργεῖ πως τῇ φρονήσει ἡ δεινότης· ἀλλὰ δεινὸς μὲν καὶ ὁ φαῦλος λέγεται, οἷον Μέντωρ δεινὸς μὲν ἐδόκει εἶναι, ἀλλ' οὐ φρόνιμος ἦν. τοῦ γὰρ φρονίμου καὶ τῆς φρονησεώς ἐστὶ τὸ τῶν βελτίστων ἐφίεσθαι καὶ τούτων προαιρετικὸν εἶναι καὶ πρακτικὸν ἀεὶ, τῆς δὲ δεινότητος καὶ τοῦ δεινοῦ σκέψασθαι ἐκ τίνων ἂν ἕκαστον γένοιτο τῶν πρακτῶν, καὶ τὸ ταῦτα πορίσαι (MM I, 34, 1197 b 18–26).

Родосец Ментор, о котором идет речь, был одним из самых удачливых греческих военачальников того времени²⁴. Как предводитель греческих наемников он поступил на службу вместе со своим братом Мемноном к Артабазу, сатрапу Фригии, который впоследствии женился на их сестре. Вместе с Артабазом Ментор участвовал на стороне Артаксеркса II в подавлении так называемого «восстания сатрапов» (362 г. до н. э.). Впоследствии он поддержал Артабаза в выступлении против царя (ок. 356/355 г. до н. э.), а после его неудачи служил египетскому царю Нектанебу II и был послан им на помощь во главе отряда наемников к отпавшему от персов правителю Сидона Теннесу, вместе с которым оборонял от персов Сидон, но был посвящен Теннесом в его предательский план сдачи города, чтобы заслужить милость Артаксеркса III Оха, и впустил царские войска в город (Diod. XVI, 45, 1.3). Однако, в отличие от Теннеса, казненного царем после захвата Сидона (346–345 гг. до н. э.), Ментор был возвышен царем и командовал третьей частью персидских войск при вторичном завоевании Охом отпав-

²⁴ О Менторе см.: [Hajdu, 2002, p. 259–260; Harding, 2006, p. 148–149; Рунг, 2014].

шего Египта (343–342 гг. до н. э.). Здесь, согласно Диодору, он проявил коварство в отношении не только греков и египтян, воевавших с царем, но и внуха Багоя, своего коллеги по командованию, с которым ему благодаря этому впоследствии удалось заключить «дуумвират» по управлению персидской державой (Diod. XVI, 49, 7–50). После успехов в Египте Ментор добился у царя прощения Артабаза и Мемнона, ранее бежавших в Македонию к Филиппу II (Diod. XVI, 52, 3), а сам был поставлен во главе персидских войск, отправленных против непокорных царю областей Малой Азии (Diod. XVI, 52, 2). Во время этой экспедиции он заманил в ловушку одного из враждебных царю династов — Гермия, правителя Атарнея и Ассоса (1-я пол. 341 г. до н. э.), который, как тогда подозревали, был тайным союзником македонского царя Филиппа II, возможно, уже в то время готовившего поход против Персии, а затем обманом захватил владения Гермия, разослав от его имени письма, что Гермий будто бы примирился с царем (Diod. XVI, 52, 5–7). Гермий был доставлен в резиденцию персидского царя и после длительных пыток распят, согласно сообщению Дидима (Didym. In Demosth. comm. col. 5, 71–6, 8 Harding), из-за происков Ментора и Багоя (сам царь, как будто, склонялся к тому, чтобы сохранить Гермия жизнь, восхищаясь его мужеством), очевидно, в 341 или 340 г. до н. э.²⁵ Ментор, успешно завершивший покорение Малой Азии, умер, по всей вероятности, вскоре после этих событий, так как он впоследствии не упоминается в наших источниках. Во всяком случае, когда полководцы Филиппа II Аттал и Парменион вторглись в Малую Азию в 336 г. до н. э., против них в качестве одного из военачальников царя действовал уже брат Ментора Мемнон (Diod. XVII, 7, 2). Встречающаяся в научной литературе датировка смерти Ментора ближе к 336 г. до н. э. не исключена, но он мог умереть и раньше — около 340 г. до н. э., когда был казнен Гермий²⁶.

Замечание в ММ о Менторе несомненно относится к истории гибели Гермия, покровителя, друга и родственника Аристотеля

²⁵ См. о хронологии этих событий: [Верлинский, 2014, с. 341, примеч. 29 (во 2-й стр. примеч. следует читать «в Митилену»)].

²⁶ См.: [Рунг, 2014, с. 157].

(Аристотель женился на дочери или, согласно другой версии, племяннице Гермия)²⁷. При его дворе Аристотель находился в 348/347–345/344 гг. до н. э., а затем, скорее всего благодаря его же материальной поддержке, жил в Митилене на Лесбосе (345/344–343/342 гг. до н. э.), где, как, вероятно, уже ранее в Ассосе, занимался изучением средиземноморской фауны. В память о Гермии, вскоре после его гибели, Аристотель, живший с 343/342 г. до н. э. уже в Македонии, воздвиг в Дельфах статую с эпитафией, где главным виновником смерти Гермия назван персидский царь, а Ментор, без упоминания прямо его имени, — орудием царя, человеком, обманувшим доверие Гермия: «его [Гермия] погубил царь персов-лучников, нечестиво поправ святу ю божественную правду, не одолев его в честном бою на смертельном состязании, но воспользовавшись доверием, которое тот [Гермий] испытывал к коварному человеку» (Didym. In Demosth. comm. col. 6, 36–39; Diog. Laert. V, 1 = Düring. P. 316–318; Plezia. P. 5.). Тогда же, вероятно, Аристотель сочинил в честь погибшего друга пеан (или гимн) «К добродетели», с того времени регулярно исполнявшийся в его школе. В заключительных строках этого произведения снова возникает тема поруганной дружбы — Музы умножат славу Гермия, умножая тем самым почитание Зевса Гостеприимца и сокровище непоколебимой дружбы — то, чему был верен Гермий, и то, что попрали его враги (Didym. In Demosth. comm. col. 6, 18–22; Athen. 696 A–F; Diog. Laert. V, 1 = Düring. P. 59–60; Plezia. P. 4–5). Много лет спустя, в 322 г. до н. э., это песнопение послужило поводом для обвинения Аристотеля в нечестии, так как оно якобы подразумевало обожествление погибшего союзника Филиппа, из-за чего Аристотель должен был покинуть Афины (см.: [Верлинский, 2014]).

Остановимся вначале на первой стороне дела — принадлежности примера Аристотелю. Как уже говорилось, Дирльмайер видит в этом упоминании указание на примерную дату ММ (341–340 гг.

²⁷ Симпсон предполагает, что речь может идти о гомеровском Менторе [Simpson, 2014, p. 45–46, n. 3], однако поведение того вряд ли заслуживает в чем-то упрека по части нравственности, и если он и оказался нерешителен в противостоянии с женихами, как кажется Симпсону, то всяком случае не подходит в качестве примера практической успешности.

до н. э.), фон Арним и Дюринг — позднейшее добавление к тексту (первый — самого Аристотеля, второй — редактора его текста); противники принадлежности ММ Аристотелю приводят его как доказательство того, что автором ММ был позднейший перипатетик. Вопрос о том, уместен или неуместен был бы для Аристотеля намек в лекциях на человека, который был виновником смерти его близкого друга, вызвал резкую полемику фон Арнима и Каппа, которая лишь показала, насколько субъективны подобного рода суждения [Arnim, 1924, S. 10; Kapp, 1927, S. 79–80; Arnim, 1927², S. 226].

Более существенно для решения вопроса (на удивление, это не было замечено в полемике вокруг пассажа) то, как именно охарактеризован Ментор — «он казался практичным, но не был рассудительным». На первый взгляд, это подразумевает, что Ментор только слыл практичным, не будучи им в действительности, однако это противоречит контексту. Смысл рассуждения в том, что рассудительность, как интеллектуально-моральное качество, состоящее в безупречном выборе нравственного поступка, всегда сопряжено с практичностью, которая определяет пути для осуществления этого поступка, но практичность не подразумевает, в свою очередь, обладания рассудительностью, т. е. нейтральна с моральной точки зрения. Ментор служит примером практичного человека, у которого нет рассудительности, т. е. того, кто обладает недюжинными способностями в нахождении средств для достижения негодных целей. Следовательно, обсуждаемая фраза означает: Ментор казался практичным (а в силу этого и рассудительным), но рассудительным в действительности не был. Этот неожиданный нюанс (обманчивость впечатления, которое производила практичность Ментора), излишний для существа дела (достаточно было сказать, что Ментор был практичным, но не был рассудительным), служит, кажется, доводом в пользу того, что пример принадлежит Аристотелю. У позднейшего перипатетика не было мотива, чтобы упомянуть, каким казался Ментор до своего предательского поступка, так как для рассуждения существенна не обманчивость практичности, но лишь ее нравственная амбивалентность. Психологически это добавление также неправдоподобно для автора, знавшего о родос-

це из литературы, — Ментор, несколько раз в течение жизни переходивший из под одних знамен под другие, не был подходящим примером человека, практичность которого ошибочно воспринималась его современниками как морально безупречная рассудительность. Иное дело — Аристотель: он несомненно был наслышан о родосце задолго до его предательского поступка, а возможно, был с ним даже знаком лично (Ментор, как следует из стихов Аристотеля, был связан с Гермием узами гостеприимства, а в Македонии Аристотель, скорее всего, встречал его брата и шурина, получивших пристанище при дворе Филиппа, — не исключено, что и самого Ментора)²⁸. У Аристотеля хитроумный родосский военачальник, неоднократно сражавшийся с нелюбимыми Стагиритом персидскими владыками, мог долгое время вызывать симпатию как человек, использующий свою практичность ради благих целей: добавление об обманчивом впечатлении, которое производила его практичность, в его устах было бы естественно²⁹. Не исключено даже, что к упоминанию о том, какое впечатление производил Ментор на знавших его, Аристотеля подтолкнула память о его предательстве — Гермий поверил в добросовестность обещания Ментора помирить его с царем, сняв с него все обвинения.

Разумеется, противники принадлежности ММ Аристотелю могли бы указать на то, что даже если в этом высказывании о Менторе ощущается суждение Стагирита, то оно могло быть заимствовано из утраченной для нас версии «средних книг», принадлежавшей ЕЕ (ММ обычно ближе к ЕЕ, чем к EN). Здесь приходится ограничиться констатацией, что в нашем распоряжении нет указаний на

²⁸ Так обычно понимают стк. 15 стихотворения Аристотеля «К добродетели» («Музы возвеличат Гермия, умножая почитание Зевса Гостеприимца и дар нерушимой дружбы»); эпитафия Гермию также подчеркивает, что персидский царь одержал над Гермием верх благодаря доверию, которым у того пользовался «коварный муж».

²⁹ В перечне трудов Аристотеля упоминается сборник его писем к Ментору (Diog. Laert. V, 27). В нем обычно видят переписку, которую Аристотель якобы вел, стремясь помочь захваченному Гермию после передачи его персидскому царю. Но не естественнее ли предположить (если, конечно, речь не идет об апокрифе), что письма относятся к более раннему времени, когда отношения корреспондентов еще были безоблачны?

использование кем-либо альтернативной версии «средних книг», если она вообще когда-либо существовала, и что исторические примеры ММ не имеют параллелей в ЕЕ там, где мы в состоянии это контролировать.

Упоминание Ментора, поскольку принадлежность ММ Аристотелю кажется нам весьма вероятной, можно считать, вслед за Дирльмайером, указанием на примерную дату написания этого сочинения — вскоре после гибели Гермия, т. е. вскоре после 341 г. до н. э.; если упоминание Ментора предполагает, что он уже умер к тому времени, то дата будет несколько более поздней, но во всяком случае до 336 г. до н. э., когда место Ментора занимал уже его брат Мемнон, т. е. до возвращения Аристотеля в Афины в 335/334 г. до н. э., еще во время пребывания его в Македонии.

Сторонники принадлежности ММ Аристотелю (за исключением Дирльмайера) обычно полагают, что это сочинение написано задолго до этой даты, в 50-е годы IV в. до н. э., еще в период пребывания в Академии. При этом они указывают на формальную близость ММ к «Топике», но хотя «Топика» действительно представляет собой относительно раннюю часть логических сочинений Аристотеля (во всяком случае, основная часть «Топики» написана ранее обеих «Аналитик» [Ross, 1949, p. 6]), ничто не подразумевает столь раннюю дату этого сочинения, как 350-е годы до н. э. Отсылки в тексте Аристотеля к его собственным сочинениям — не стопроцентно надежный, но в целом достоверный критерий для относительной хронологии — дают следующую картину: Top. I–VI — ранее Top. VIII и Apr; Top. VIII — ранее SE (= Top. IX); Apr — ранее, чем APo; отсутствие отсылок в «Топике» и «Аналитиках» к какому-либо другим сочинениям и отсылки, напротив, к ним в других сочинениях показывают, что оба логических сочинения в основных частях написаны раньше, чем «Риторика», «Поэтика» «Метафизика», «Политика», ЕЕ, EN [Thielscher, 1948, S. 235–238; Ross, 1949, p. 22–23]. Однако в нашем распоряжении нет надежных указаний на абсолютную хронологию этих сочинений. Наличие ионизмов в логических сочинениях, особенно в «Топике», насколько мы знаем, со времени фон Арнима не привлекало внимания ученых. Между тем это обстоятельство показывает, что хотя материал для «Топи-

ки» составляют диалоги Платона и, возможно, техника аргументации в платоновской школе, само сочинение скорее всего было написано не в Академии, как часто предполагают (во всяком случае, не было завершено в то время), но уже после отъезда из Афин в 348 г. до н. э., не ранее Ассоса и Митилены (348/347–343/342 гг. до н. э.): обобщение и формализация правил аргументации могло потребовать значительного времени; более поздние «Аналитики», также лишенные аттической чистоты, относились бы тогда тоже к *Wanderjahre* [Ross, 1949, p. 22–23].

С датировкой 341–340 гг. до н. э. согласуется и хронологическое отношение ММ к ЕЕ и НЕ. Если ММ — это самое раннее из этических сочинений (а это представляется наиболее вероятным ввиду её сравнительно примитивного характера), то ничто не мешает датировать её создание македонским периодом жизни Аристотеля. Мы не располагаем надёжными указаниями для датировки двух других аристотелевских этических сочинений³⁰. Два других, более совершенных, этических сочинения, ЕЕ и НЕ, для датировки которых мы не располагаем надёжными указаниями, относились бы тогда к последующему периоду, между 340 г. до н. э. и смертью Аристотеля, и нет ничего, что противоречило бы подобному выводу. Господствующее сейчас (особенно под влиянием Дюринга) убеждение, что Аристотель работал над тремя этическими сочинениями в течение почти всей жизни — от Академии до самой смерти, лишено оснований и кажется скорее неправдоподобным: комплексы логических, физических (нынешняя аристотелевская «Физика») и биологических сочинений были написаны каждый компактно, в течение не обязательно короткого, но единого периода, хотя и не закончены полностью к моменту смерти Аристотеля. Не исключено, вопреки господствующему сейчас мнению, что работа над «Политикой» и «Метафизикой» также протекала в течение двух последних периодов жизни Аристотеля (Македония — Афины), а не началась еще в Академии.

Другие исторические указания в ММ также не предполагают более позднюю дату. Упоминаемый в ММ Дарий (II, 12, 1212 а 4–

³⁰ Против мнения Дюринга о создании ММ в период пребывания Аристотеля в Академии см.: [Kenny, 1978, p. 216–219].

б) — это все же скорее Дарий I, а не Дарий III Кодоман, как думал фон Арним, который в силу этого был вынужден отнести ММ ко времени не ранее 335 г. до н. э. [Arnim, 1924, S. 10–12; 1927¹, S. 226–230], а затем выдвинул предположение, что Аристотель перерабатывал текст ММ, написанный в Македонии, уже после возвращения в Афины [Arnim, 1929, S. 8–9]³¹. Дарий без уточнения в аристотелевском Корпусе обычно обозначает Дария I³², а общий контекст замечания исключает, на наш взгляд, намек на актуальные политические события³³. Это позволяет датировать ММ ранее, чем полагал фон Арним. Упоминание Нелея (II, 7, 1205 а 24), если правильно чтение рукописей семьи П², исключает слишком раннюю дату для ММ (период в Академии), но не противоречит на-

³¹ Противники подлинности ММ видели в упоминании Дария свидетельство того, что сочинение было написано уже после смерти Аристотеля [Karr, 1927, S. 79; Walzer, 1929, S. 81].

³² На это указывает Дирльмайер [Dirlmeier, 1983, S. 464], который первым усомнился в том, что пример относится к Кодоману.

³³ Благорасположение к Дарию приводится как пример того, что расположение возникает ввиду добродетельного характера, а не удовольствия или пользы, при этом подобное чувство не означает еще дружбы (дружба предполагает желание и возможность доставлять блага тому, к кому мы расположены): «если кто-то был расположен к Дарию, находящемуся в Персии, что вероятно имело место, то у него не было еще в силу этого и дружбы с Дарием». Очевидно, что пример не имеет отношения к политике — Дарий выбран в качестве примера добродетели, восхищение которой не может перейти в дружбу из-за удаленности ее обладателя. Автор ММ не мог бы так отозваться о политических симпатиях греческих персофилов, все равно, идет ли речь о Дарии Великом или Кодомане. В пользу первого позволяет решить упоминание о добродетели: одобрительное отношение к нравственным свойствам Дария I заметно у близких к нему по времени греческих писателей, в первую очередь у Геродота и Эсхила, его позднейший неудачливый родственник в этом качестве никак не успел себя проявить. Сказанное не решает, конечно, вопроса, принадлежит ли замечание Аристотелю или гипотетическому позднейшему автору (редактору) ММ, но кажется более вероятным то, что Аристотель устранил впоследствии этот пример из афинских версий этического курса (после вступления на престол Кодомана и восточного похода Александра он мог быть неверно понят, как это видно из толкований новейшего времени), чем то, что он был добавлен его анонимным продолжателем (тот выразился бы, надо думать, отчетливее, чтобы избежать путаницы).

писанию сочинения в Македонии³⁴. Архикл, имя которого приведено для примера того, что правильное написание имени не может быть предметом рассуждения — так как относительно этого имеется твердое знание (1189 b 20), — вряд ли имеет значение для датировки ММ: имя это было весьма распространено, и автор текста, скорее всего, берет в качестве примера не какого-то известного человека³⁵, но одного из сидящих перед ним слушателей. Если лекции читались за пределами Афин, как мы предполагаем, то шансов идентифицировать этого персонажа должно быть еще меньше.

Примечательно, что все эти упоминания отсутствуют в других сочинениях Аристотеля — позднейший компилятор, если он стремился создать иллюзию принадлежности текста Стагириту, должен был бы приводить встречающиеся у Аристотеля имена; если же, напротив, его целью было создание модернизированного варианта аристотелевской «Этики», то он должен был использовать примеры из современной ему эпохи и его собственного окружения.

Итак, исторические указания в ММ не противоречат гипотезе, что текст этих лекций был написан до возвращения Аристотеля

³⁴ На этом чтении, которое одобрял уже Зуземиль (другие рукописи дают имя «Илей»), настаивал особенно Виламовиц [Wilamowitz-Moellendorf, 1927], который видел в нем и обозначении Нелея как «грамматика» важный довод против авторства Аристотеля. Фон Арним, приняв само чтение, убедительно показал, что оно, напротив, говорит, скорее, в пользу авторства: по его мнению, упоминание Нелея, как Ментора и Дария, позволяет датировать окончательную версию ММ временем около 334 г. до н. э. [Arnim, 1928²]: Нелей, сын платоника Кориска из Скепсиса, после смерти Феофраста унаследовавший его библиотеку вместе с сочинениями Аристотеля, по мнению фон Арнима, должен был родиться во второй половине 350-х годов до н. э.. Однако Нелей, который был учеником Аристотеля (Strab. XIII, 608 C), мог слушать его уже в Македонии: его отец Кориск, ученик Платона, находился в Ассосе при дворе Гермия еще до приезда туда Аристотеля (Plat. Ep. 6). Кориск был, вероятно, того же возраста, что и Аристотель, если не старше его, и, очевидно, сопровождал его в качестве члена школы во время путешествий (в сочинениях Аристотеля он постоянно упоминается как пример конкретного носителя общих свойств); его сын вполне мог родиться уже около 360 г. до н. э.

³⁵ Одни ученые полагают, что речь идет о секретаре буле 361 г. до н. э. [Dirlmeier, 1983, S. 260; Düring, 1961, S. 552], другие — о триерархе 334/333 г. [Kenny, 1978, p. 216–218; Simpson, 2014, p. XX].

в Афины в 335/334 г. до н. э., т. е. во время его пребывания в Македонии — либо при царском дворе, либо в родных Стагирах, куда он, по всей вероятности, переехал после окончания своих обязанностей как наставника Александра³⁶. Эти указания не противоречат созданию ММ за пределами Афин, в Македонии, что объяснило бы необычно сильное присутствие в ММ особенностей, характерных для «протокойне»: в Македонии у Аристотеля не было необходимости корректировать присущую ему от рождения языковую манеру (аттический диалект с примесью ионизмов) в соответствии с аттической нормой. Подобное предположение, развивающее некогда высказанное Дирльмайером, кажется нам недоказуемым, но более вероятным, как уже говорилось, по сравнению с мыслью о позднейшем редакторе текста, на счет которого пришлось бы отнести лишь малоправдоподобную вульгаризацию первоначального текста и исторические указания, которые в действительности вполне могут принадлежать самому Аристотелю. Если это предположение о времени написания ММ — между 341–340 (смерть Ментора) и 335/334 гг. до н. э. (переезд Аристотеля из Македонии в Афины) — верно, ММ оказывалась бы наиболее ранним курсом лекций Аристотеля по этике по сравнению с более зрелыми во всех отношениях ЕЕ и EN, как обычно и полагают сторонники подлинности ММ, — однако отделенным от зрелых версий не тремя десятилетиями (эпоха Академии), как полагает большинство ученых, но всего лишь несколькими годами (для ЕЕ мы осторожно предположили бы первые годы пребывания Аристотеля в Афинах, а для EN — дату ближе к концу его жизни), в чем мы солидарны с Дирльмайером. Разумеется, все высказанные соображения имеют силу только в случае признания того, что ММ в целом принадлежит Аристотелю. Однако мы старались показать, что, по крайней мере, значительная часть доводов против этого может быть опровергнута.

ЛИТЕРАТУРА

Верлинский А. Л. Из Афин в Стагиры — из Стагир в Афины : Об одном предложении из утраченного письма Аристотеля (Arist. fr. 669 Rose) //

³⁶ См. о вероятном пребывании Аристотеля в Стагирах: [Верлинский, 2014].

- Исследования по классической филологии и истории антиковедения. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. С. 43–88. (Philologia Classica. Вып. 9).
- Рунг Э.* Военно-политическая деятельность Ментора // Мнемон : Исследования и публикации по истории античного мира : сб. статей / под ред. Э. Д. Фролова. Вып. 14. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2014. С. 143–160.
- Allan D. J.* Magna Moralia and Nicomachean Ethics // Journal of Hellenic Studies. 1957. Vol. 77. Pt. 1. P. 7–11.
- Arnim H. von.* Die drei aristotelischen Ethiken. Wien : Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1924 (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd 202. Abh. 2).
- Arnim H. von.* Das Ethische in Aristoteles' Topik. Wien : Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1927¹ (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd 205. Abh. 4).
- Arnim H. von.* Die Echtheit der Grossen Ethik des Aristoteles // Rheinisches Museum. 1927². Bd 76. S. 113–137, 223–253.
- Arnim H. von.* Eudemische Ethik und Metaphysik. Wien : Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1928¹ (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd 207. Abh. 5).
- Arnim H. von.* Neleus von Skepsis // Hermes. 1928². Bd 63. S. 103–107.
- Arnim H. von.* Der neueste Versuch, die Magna Moralia als unecht zu erweisen. Wien : Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1929 (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd 211. Abh. 2).
- Arnim H. von.* Die Entstehung der Gotteslehre des Aristoteles (1931) // Metaphysik und Theologie des Aristoteles / hrsg. von F.-P. Hager. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969. S. 1–74.
- Arnim H. von.* Nochmals die aristotelischen Ethiken : Gegen W. Jaeger : Zur Abwehr (1929) // Ethik und Politik des Aristoteles / hrsg. von F.-P. Hager. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. S. 1–54.
- Brink K. O.* Stil und Form der pseudoaristotelischen Magna Moralia. Ohlau i. Schi., 1933.
- Cooper J. M.* The Magna Moralia and Aristotle's Moral Philosophy // American Journal of Philology. 1973. Vol. 94. P. 327–349.
- Dirlmeier F.* Zeit der Grossen Ethik // Rheinisches Museum. 1939. Bd 88. S. 214–243.
- Dirlmeier F.* Aristoteles. Magna Moralia. Übersetzt und kommentiert. 5., gegenüber der dritten, durchgesehenen, unveränderte Aufl. Berlin : Akademie Verlag, 1983. [1-е изд-е — 1958.]
- Dudley J.* Aristotle's Concept of Chance: Accidents, Cause, Necessity, and Determinism. Albany : State University of New York Press, 2012.

- Düring I.* [Rez.:] Dirlmeier F. Aristoteles. Magna Moralia // Gnomon. 1961. Bd 33. S. 547–57.
- Düring I.* Aristoteles : Darstellung und Interpretation seines Denkens. Heidelberg : C. Winter Universitätsverlag, 1966.
- Düring I.* Aristoteles // RE Suppl. Bd 11. 1968. Sp. 159–336.
- Ebert T.* Gattungen und Prädikate des Seinden bei Aristoteles // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1985. Bd 67. S. 113–138.
- Gutas D.* Theophrastus On First Principles (transmitted as his Metaphysics) : Greek Text and Medieval Arabic Translation, edited and translated with introduction, commentaries and glossaries, as well as the medieval Latin translation, and with an Excursus on Graeco-Arabic Editorial Technique. Leiden : Brill, 2010 (Philosophia antiqua. Vol. 119).
- Hajdu I.* Kommentar zur 4. Philippischen Rede des Demosthenes. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2002.
- Harding Ph.* Didymos : On Demosthenes : Translated with Introduction, Text, and Commentary. Oxford : Oxford University Press, 2006.
- Hindenland L.* Sprachliche Untersuchungen zu Theophrasts botanischen Schriften. Strasburg : Trübner, 1910 (Dissertationes philologicae Argentoratenses selectae. Vol. 14. Pars 2).
- Inwood B.* Ethics after Aristotle. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2014 (Carl Newell Jackson Lectures).
- Jaeger W.* Aristotle / transl. by R. Robinson. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press, 1948¹. [Нем. ориг. — 1923.]
- Jaeger W.* On the Origin and Cycle of the Philosophical Ideal of Life // Jaeger W. Aristotle / transl. by R. Robinson. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press, 1948². P. 426–461. [Нем. ориг.: Über Ursprung und Kreislauf des philosophischen Lebensideals [1928].]
- Kapp E.* Der Verhältnis der eudemischen zur nikomachischen Ethik : Diss. Freiburg a. Breisgau, 1912.
- Kapp E.* [Rez.:] Arnim H. von. Die drei aristotelischen Ethiken // Gnomon. 1927. Bd 3. S. 19–38, 73–81.
- Kenny A.* The Aristotelian Ethics. Oxford : Clarendon Press, 1978.
- Mansion A.* Untersuchungen über die Aristoteles zugeschriebenen Ethiken // Ethik und Politik des Aristoteles / hrsg. von F.-P. Hager. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. S. 66–148. [Фр. ориг.: Autour des Ethiques attribuées à Aristote // Revue néo-scholastique de philosophie. 2^{me} série. 1931. 33^o année. No. 29. P. 80–107 ; No. 30. P. 216–236 ; No. 31. P. 360–380.]
- Minio-Paluello L.* (ed.) Aristotelis Categoriae et libro De interpretatione. Oxford : Clarendon Press, 1956.

- Mühl P. von der.* De Aristotelis Ethicorum Eudemiorum auctoritate : Diss. Göttingae, 1909.
- Regenbogen O.* Theophrastus // RE Suppl. Bd 7. 1940. P. 1354–1562.
- Ross W. D.* Aristotle's Prior and Posterior Analytics : A Revised Text with Introduction and Commentary. Oxford : Clarendon Press, 1949.
- Rowe C.* A Reply to John Cooper on the Magna Moralia // American Journal of Philology. 1975. Vol. 96. P. 160–172.
- Simpson P. L.* The Great Ethics of Aristotle : Translated with Explanatory Comments. New Brunswick, NJ : Transactions Publishers, 2014.
- Spengel L.* Über die unter den Namen des Aristoteles erhaltenen ethischen Schriften. Tl. I // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wiss. 1841. Bd 3. S. 437–496.
- Stein M.* Definition und Schilderung in Theophrasts Charakteren. Stuttgart : B. G. Teubner, 1992.
- Stevens P. T.* Aristotle and the Koine : Notes on the Prepositions // Classical Quarterly. 1936. Vol. 30. P. 204–217.
- Szaif J.* Gut des Menschen : Untersuchungen zur Problematik und Entwicklung der Glücksethik bei Aristoteles und in der Tradition des Peripatos. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2012 (Quellen und Studien zur Philosophie. Vol. 83).
- Susemihl F.* (ed.) Aristotelis quae feruntur Magna Moralia. Lipsiae : Teubner, 1883.
- Thiischer P.* Die relative Chronologie der erhaltenen Schriften des Aristoteles nach den bestimmten Selbstzitaten // Philologus. 1948. Bd 97. S. 229–265.
- Walzer R.* Magna Moralia und aristotelische Ethik. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1929 (Neue philologische Untersuchungen. H. 7).
- Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Neleus von Skepsis // Hermes. 1927. Bd 62. S. 371.

REFERENCES

- Verlinskiy A.L. Iz Afin v Stagiry — iz Stagir v Afiny: Ob odnom predlozhenii iz utrachenogo pis'ma Aristotelya (Arist. fr. 669 Rose) [From Athens to Stagira — from Stagira to Athens: About one sentence from a lost writing of Aristotle (Arist. fr. 669 Rose)]. *Issledovaniya po klassicheskoy filologii i istorii antikovedeniya* [Studies in Classical Philology and History of Classical Scholarship]. (Philologia Classica. Vol. IX). Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2014. Pp. 43–88.
- Rung E. Voенно-politicheskaya deyatel'nost' Mentora [Military and political activities of Mentor]. *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Research and Publications on the History of the

- Ancient World], ed. by E.D. Frolov. Vol. 14. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2014. Pp. 143–160.
- Allan D.J. Magna Moralia and Nicomachean Ethics. *Journal of Hellenic Studies*. 1957. Vol. 77. Pt. 1. Pp. 7–11.
- Annim H. von. *Die drei aristotelischen Ethiken*. (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd 202. Abh. 2). Wien, Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1924.
- Annim H. von. *Das Ethische in Aristoteles' Topik*. (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd 205. Abh. 4). Wien, Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1927¹.
- Annim H. von. Die Echtheit der Grossen Ethik des Aristoteles. *Rheinisches Museum*. 1927². Bd 76. S. 113–137, 223–253.
- Annim H. von. *Eudemische Ethik und Metaphysik*. (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd 207. Abh. 5). Wien, Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1928¹.
- Annim H. von. Neleus von Skepsis. *Hermes*. 1928². Bd 63. S. 103–107.
- Annim H. von. *Der neueste Versuch, die Magna Moralia als unecht zu erweisen*. (Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Bd 211. Abh. 2). Wien, Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1929.
- Annim H. von. Die Entstehung der Gotteslehre des Aristoteles (1931). *Metaphysik und Theologie des Aristoteles*, hrsg. von F.-P. Hager. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969. S. 1–74.
- Annim H. von. Nochmals die aristotelischen Ethiken: Gegen W. Jaeger: Zur Abwehr (1929). *Ethik und Politik des Aristoteles*, hrsg. von F.-P. Hager. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. S. 1–54.
- Brink K.O. *Stil und Form der pseudoaristotelischen Magna Moralia*. Ohlau i. Schi., 1933.
- Cooper J.M. The Magna Moralia and Aristotle's Moral Philosophy. *American Journal of Philology*. 1973. Vol. 94. Pp. 327–349.
- Dirlmeier F. Zeit der Grossen Ethik. *Rheinisches Museum*. 1939. Bd 88. S. 214–243.
- Dirlmeier F. *Aristoteles. Magna Moralia*. Übersetzt und kommentiert. 5., gegenüber der dritten, durchgesehenen, unveränderte Aufl. Berlin, Akademie Verlag, 1983. [1st ed. — 1958.]
- Dudley J. *Aristotle's Concept of Chance: Accidents, Cause, Necessity, and Determinism*. Albany, State University of New York Press, 2012.
- Düring I. [Rez.:] Dirlmeier F. Aristoteles. Magna Moralia. *Gnomon*. 1961. Bd 33. S. 547–57.

- Düring I. *Aristoteles: Darstellung und Interpretation seines Denkens*. Heidelberg, C. Winter Universitätsverlag, 1966.
- Düring I. Aristoteles. *RE Suppl.* Bd 11. 1968. Spp. 159–336.
- Ebert T. Gattungen und Prädikate des Seinden bei Aristoteles. *Archiv für Geschichte der Philosophie*. 1985. Bd 67. S. 113–138.
- Gutas D. *Theophrastus On First Principles (transmitted as his Metaphysics): Greek Text and Medieval Arabic Translation, edited and translated with introduction, commentaries and glossaries, as well as the medieval Latin translation, and with an Excursus on Graeco-Arabic Editorial Technique*. (Philosophia antiqua. Vol. 119). Leiden, Brill, 2010.
- Hajdu I. *Kommentar zur 4. Philippischen Rede des Demosthenes*. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 2002.
- Harding Ph. *Didymos: On Demosthenes: Translated with Introduction, Text, and Commentary*. Oxford, Oxford University Press, 2006.
- Hindenland L. *Sprachliche Untersuchungen zu Theophrasts botanischen Schriften*. (Dissertationes philologicae Argentoratenses selectae. Vol. 14. Pars 2). Strasburg, Trübner, 1910.
- Inwood B. *Ethics after Aristotle*. (Carl Newell Jackson Lectures). Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 2014.
- Jaeger W. *Aristotle*, transl. by R. Robinson. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1948¹. [Nem. orig. — 1923.]
- Jaeger W. On the Origin and Cycle of the Philosophical Ideal of Life. In.: Jaeger W. *Aristotle*, transl. by R. Robinson. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1948². Pp. 426–461. [Nem. orig.: Über Ursprung und Kreislauf des philosophischen Lebensideals [1928].]
- Kapp E. *Der Verhältnis der eudemischen zur nikomachischen Ethik*. Diss. Freiburg a. Breisgau, 1912.
- Kapp E. [Rez.:] Arnim H. von. Die drei aristotelischen Ethiken. *Gnomon*. 1927. Bd 3. S. 19–38, 73–81.
- Kenny A. *The Aristotelian Ethics*. Oxford, Clarendon Press, 1978.
- Mansion A. Untersuchungen über die Aristoteles zugeschriebenen Ethiken. *Ethik und Politik des Aristoteles*, hrsg. von F.-P. Hager. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. S. 66–148. [Fr. orig.: Autour des Ethiques attribuées à Aristote. *Revue néo-scholastique de philosophie*. 2^{me} série. 1931. 33^e année. No. 29. Pp. 80–107; № 30. Pp. 216–236; No. 31. Pp. 360–380.]
- Minio-Paluello L. (ed.) *Aristotelis Categoriae et liber De interpretatione*. Oxford, Clarendon Press, 1956.
- Mühl P. von der. *De Aristotelis Ethicorum Eudemiorum auctoritate*. Diss. Gottingae, 1909.

- Regenbogen O. Theophrastus. *RE Suppl.* Bd 7. 1940. Pp. 1354–1562.
- Ross W.D. *Aristotle's Prior and Posterior Analytics: A Revised Text with Introduction and Commentary.* Oxford, Clarendon Press, 1949.
- Rowe C. A Reply to John Cooper on the Magna Moralia. *American Journal of Philology.* 1975. Vol. 96. Pp. 160–172.
- Simpson P.L. *The Great Ethics of Aristotle: Translated with Explanatory Comments.* New Brunswick (NJ), Transactions Publishers, 2014.
- Spengel L. Über die unter den Namen des Aristoteles erhaltenen ethischen Schriften. Tl. I. *Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wiss.* 1841. Bd 3. S. 437–496.
- Stein M. *Definition und Schilderung in Theophrasts Charakteren.* Stuttgart, B.G. Teubner, 1992.
- Stevens P.T. Aristotle and the Koine: Notes on the Prepositions. *Classical Quarterly.* 1936. Vol. 30. Pp. 204–217.
- Szaif J. *Gut des Menschen: Untersuchungen zur Problematik und Entwicklung der Glücksethik bei Aristoteles und in der Tradition des Peripatos.* (Quellen und Studien zur Philosophie. Vol. 83). Berlin; New York, Walter de Gruyter, 2012.
- Susemihl F. (ed.) *Aristotelis quae feruntur Magna Moralia.* Lipsiae, Teubner, 1883.
- Thielscher P. Die relative Chronologie der erhaltenen Schriften des Aristoteles nach den bestimmten Selbstzitatzen. *Philologus.* 1948. Bd 97. S. 229–265.
- Walzer R. *Magna Moralia und aristotelische Ethik.* (Neue philologische Untersuchungen. H. 7). Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1929.
- Wilamowitz-Moellendorff U. von. Neleus von Skepsis. *Hermes.* 1927. Bd 62. S. 371.

Верлинский Александр Леонардович
доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного
университета

E-mail: verlinsky@mail.ru
a.verlinskij@spbu.ru